

М.Н. Эпштейном и др.) – наши дни. Философия семиотики не совпадает ни с одним из этих этапов развития семиотической мысли, но входит в каждый из них в той мере, в какой проблематизируется оппозиция семиотического – внесемиотического. В семантическом центре такой проблематизации всегда находится рефлексия, направленная на выявление топоса смысла в семиотической картине мира.

НОВАЯ ЖИЛПЛОЩАДЬ МЫСЛИ **Текстуальная революция и локальность**

А.П. ЛЮСЫЙ

Новая картография мировых связей сопровождается множеством языковых новообразований. В конфигурации формирующегося миропорядка намечается диссипативное, неравновесное и в то же время устойчивое соединение цивилизации и архаики в некотором синкретичном культурном тексте.

Текст в его наиболее широком понимании как смысловой вторичной реальности издавна был объектом философского познания. Философия принимает участие в организации новых текстовых форм, задающих вариативные методы социальных взаимодействий и жизненных стратегий. С началом нового тысячелетия на стыке разных отраслей гуманитарных наук в России осуществляется формирование новой традиции концептуализации и исследования метатекстов (текстов культуры) разного уровня, что приобретает характер *текстуальной революции* современного гуманитарного знания как такового. В процессе данной революции наблюдается не лишенный внутренних противоречий процесс складывания того, что мы бы определили как *русская теория*, по аналогии с синтетичным определением «французская теория», которое американские философы дали комплексу направлений постструктуралистских гуманитарных исследований во Франции, включающей философию, антропологию, социологию, семиологию, историю цивилизаций, критику разнообразных областей культуры (понятие

«русская теория» также является конкретизацией традиционного метаопределения «русская идея»).

Итак, происходит повсеместное и целенаправленное, при всей внешней стихийности, учреждение разнообразных локальных «текстов культуры» разного уровня и масштаба: вслед за петербургским – московского, киевского, сибирского, алтайского, уральского, волжского, саратовского, самарского, кавказского, вятского, елецкого, муромского, северного и т.д. Внимательное изучение данных наработок позволяет сделать вывод, что, как правило, весь уже накопленный здесь материал является не поверхностным подражанием, как это может показаться на первый взгляд, а ответом самого российского пространства, со всеми его особенностями, и всего ранее сформировавшегося комплекса гуманитарного знания на глубинные потребности национального семиозиса. В то же время учреждение локальных текстов культуры нередко обнаруживает, пользуясь выражением Э. Гуссерля, принципиальную методологическую наивность, которая отличается от обыденной наивности лишь тем, что является «наивностью более высокого ранга»¹ (что, в частности, проявляется в смешении тематических и текстуальных аспектов в процессе проблематизации предмета исследования). Поэтому особо актуальным представляется преодоление методологического разобщения отдельных дисциплинарных и «региональных» направлений в целостной интерпретации русской культуры как суммы и системы текстов разного уровня и поиска адекватной методологии такой интерпретации, имеющей характер интенсивного гуманитарного исследования.

«Лингвистический поворот» в методологии всех социальных и гуманитарных наук привел к первостепенному вниманию исследователей к проблемам производства значения. Смещением акцента с анализа социальных ценностей и норм на исследование языка и речи, изучение взаимодействия значения и реальности современная наука обязана, прежде всего, структурализму и аналитической фило-

¹См.: *Husserl E. Formale und transcendente Logik.* Halle, 1929. С. 2; *Свасьян К.А. Феноменологическое познание.* Ереван, 1987. С. 77.

софии (Л. Витгенштейн, Дж. Остин, Дж. Серль). Попытка «передумать» практически всю социокультурную проблематику заново в терминах лингвистики, т.е. применить теорию Ф. де Соссюра к экстралингвистическим объектам, привела к отождествлению реальности и текста. Отныне как систему знаков можно рассматривать миф и спортивный матч, ресторанное меню и картины, ландшафт и интерьер парикмахерских. И в самой социологии языка доминирует макролингвистическая тематика: исследования языкового статуса, этнической и национальной идентичности, гендера, билингвизма. Целью структурного анализа стало выявление правил, по которым комбинируются знаки, образуя в ходе этого новые значения более высокого порядка.

Итак, пространственные схемы восприятия человеком окружающего мира и текста, в котором специфическим образом репрезентируется информация об объектах, процессах и явлениях окружающего мира принципиально схожи.

Пространство культуры, как и время, представляет собой единство непрерывности и дискретности. Дискретность опосредована непрерывностью, с континуальной заданностью взаимодействия и переходов между ними. Любая выделяемая текстовая структура получает условия своего существования лишь в постоянном соотношении целого и непрерывного, выражаемых субъектностью культуры. Текст как важнейший элемент континуума раскрывает наиболее универсальное и многослойное структурирование пространства-времени. Это предопределено особой ролью текста как способа самообоснования и самораскрытия культуры. Ведь символ, содержащий в себе по самой своей природе не полностью проявленное многообразие связей с общими культурными смыслами, полузакрит для истолкования. Поэтому именно текст, в котором такая проявленность может достичь предельно элементарных компонентов, способен обеспечить такое понимание смысла более конкретно и полно. Общей текстуальной пространственно-временной логике континуума культуры соответствует региональный уровень этой логики. В.Л. Каганский определяет регион как «образование, которое само себя полагает, утверждает, рас-

тит, отчасти – строит; текст, что сам себя пишет»². Однако для проблемы текстуальной идентификации существенным представляется указание М. Строганова на такое методологическое напряжение: «...Построение локального текста принадлежит не самому жителю данного пространства, но его исследователю, который складывает свой (изучаемый им) локальный текст из обрывков разного рода знаков». Конечно, вряд ли стоит вести речь именно об «обрывках», а не о последовательном развитии той или иной темы. В то же время верным представляется отграничение между краеведением (которое также может дать интересный исследовательский материал) и тем, что М.В. Строгонов называет учреждающей тот или иной текст *провинциологией* (в нашем случае точнее было бы – *локальной текстологией*).

О внутреннем состоянии человека как способе кодирования текста города писал и В.Н. Топоров. При большой закрытости городского пространства человек не обращает внимание на небо. Однако существует и вертикальная линия города. Помимо панорамной существует и стадия разыгрывания звуковой темы города, несмотря на то, что название города во многих описаниях смазывается, оказывается «рассеянным» в отдельных созвучиях. Открытость текста города зависит от присущей этому тексту задачи осмысления, которая в течение длительного времени должна определять его содержание. То есть с необходимостью обозначатся произведение (фрагмент), входящее в культурный текст города именно как «городское». Специфика такого текста задает жанровое единство различных текстов. В тексте города, интерпретирует идеи В. Топорова А.И. Костяев, все эквивалентные (повторяющиеся) мотивы расположены в вертикальной колонке (сверху-вниз) а мотивы, образующие синтагматическую цепь, в горизонтальный ряд (слева-направо)³. «Чтение» по ряду есть рассказывание текста города, а «чтение» по колонке его понимание. Ключевые сло-

² Каганский В.Л. Методологические основания регионального анализа культурной практики // Культура в современном мире. Вып. 3. М., 1997. С. 8.

³ См.: Костяев А.И. Смыслонетические исследования. М., 2004.

ва (лестница, дверь, порог, стена) теряют свою силу прямого названия; они становятся, скорее, точками пересечения, вещественной реализацией универсальной геометрии «Я-в-городе», преломляясь в пространстве существования и умножаясь в памяти. Так город «впускает в себя человека и описывает себя сам». В то же время, как отмечает А.А. Залевская, «тело текста, взятое само по себе, без ограничивающего его человека, не несет какой-либо внутренней энергии, не может самоорганизовываться структурно»⁴.

Рассматривая перспективы коммуникационного поворота, К.-О. Аппель писал, что языковое предпонимание мира должно было бы вытекать из смыслового взаимопонимания безграничного коммуникативного сообщества, которое в реальности уже экстерриториализировано, отчуждено и отсрочено в виде синтактико-семантических систем естественного языка в смысле «объективного духа»⁵. И эти объективные языковые системы нуждаются для своей актуализации (то есть для того, чтобы стать «энергетикой» в смысле Гумбольдта) в прагматической метасистеме человеческой речи или коммуникации. Такой метасистемой является система текстов.

Можно констатировать вслед за лингвистическим и коммуникационным поворотом наступление культурологического поворота в концептуализации текста, в ходе которого стало ясно, что «благодаря своей способности структурироваться в совокупности значений, культура имеет строение, подобное структуре текста»⁶. То есть культура предстает в качестве механизма, создающего совокупность текстов, а текст — в качестве феномена реализации культуры. «Мегатекст культуры распадается на множество мелких знаков-текстов, которые являются его частью и несут в себе все свойства этой огромной системы. Культурная объективность разделяется на инвариантные локальные структуры, которые, в свою очередь, охватываются единой универсальной структурой как фундаментальным принципом, опреде-

⁴ Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001. С. 25.

⁵ См.: Аппель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 244.

⁶ Храпова В. Текст как социокультурный код цивилизации. Дисс. ... доктора философских наук. Волгоград, 2007.

ляющим хранение и передачу информации и ее постоянное самовозрастание». Это создает новую философскую ситуацию текстологической стадии развертывания «трансцендентальной субъективности», представляемой как интересубъективность, как «развертывание универсального априори», «универсального логоса», уточняет терминологию Гуссерля А.П. Огурцов⁷. Универсальное самоуяснение монадического, а затем интермонадического самопознания имеет свой локальный аспект.

Философская ситуация обрисованной нами проблематики вызвана еще одним эпистемиологическим поворотом – поворотом к гетерогенности, начатым в теории «региональных онтологий» Гуссерля, и основательно разобранным в монографии Д.Ю. Дорофеева «Суверенная и гетерогенная спонтанность» (СПб., 2007). Для Гуссерля множественности региональных, или эйдических онтологий соответствует своя эйдическая наука, исследующая чистую сущность своего частного или конечного региона. «Соответственно каждая региональная онтология конструирована своими собственными категориями»⁸.

Понятие «текст культуры» («культурный текст») представляет собой поле напряженного взаимодействия полюсов сверткст и гипертекст в пространстве интертекста. Это явление качественно-количественное, гипертекстуально-метатекстуальное. Понятие «локальный текст культуры» втягивает в себя активно исследуемые сейчас представления о локальности как о феномене, «собирающем» целый ряд современных социокультурных тенденций: в их числе пространственно-временная фрагментарность, плюралистичность, контекстуальность. Будучи своеобразным социальным синонимом этим тенденциям, локальность не столько их обобщает, сколько делает явным то, как они намекают друг на друга, взаимоперекликаются, выступают составляющими достаточно заметного оттенка современной социокультурной ткани. Являясь своего рода пучком век-

⁷ См.: Огурцов А.П. Интересубъективность как поле философских исследований // *Личность. Культура. Общество*. Т. 9. Вып. 2. М., 2007. С. 89.

⁸ *Дорофеев Д.Ю.* Суверенная и гетерогенная спонтанность. СПб., 2007. С. 28.

торов нашего времени, локальность представляет собой образование, с одной стороны, трудноопределимое, а с другой – легко узнаваемое во многом. Ее по праву можно считать настроением, характеристикой социокультурной атмосферы второй половины XX столетия⁹. Идея «локала» как единства физической среды и ее осмысления, в той трактовке, которой придерживаются Гидденс и А. Филиппов, пересекается с пониманием сверхтекста как общей среды объекта и его описания. «“Локал” – не место, не местность, не ландшафт, вообще, не территория как таковая. Он означает привязку физического окружения к “типичным взаимодействиям”, из которых, собственно, и состоят социальные образования. В зависимости от характера социального образования соответствующий “локал” может охватывать и очень ограниченное пространство (жилище, офис, фабрика), и очень обширное (государство или империя)»¹⁰. Локал – размещение социального действия и взаимодействия, а локальный текст (супертекст) – размещение культуры.

Я.В. Чеснов предлагает понятие *топоментальность* – такое ментальное образование, где рамки для мысли заданы местом и откуда начинается восхождение мысли. «По своей интенции топоментальность не локализация, а напротив, делокализация восходящей, вырвавшейся на свободу мысли. После восхождения мысль, облаченная в слово, совершает поворот. Нисходящая мысль обретает локальность и образует рамки для ландшафта. Ландшафт субъективируется. В качестве субъективации, переданной словом, выступает миф, который всегда ландшафтен»¹¹. Относящиеся к природе суждения воспринимаются как предел допустимого поведения, как предел самой жизни: «не плюй в колодец», «мать-сыра-земля», «Волга-матушка», «соха-кормилица» и т.д. Эти аксиомы ландшафты. В них выражена насыщенность материнскими и питающими смыслами. Более

⁹ Сыродеева А. Мир малого. Опыт описания локальностей. М., 1998. С. 5.

¹⁰ Филиппов А.Ф. Социология пространства. М., 2008. С. 241 – 242.

¹¹ Чеснов Я.В. Ландшафт и мышление // Труды членов РФО. Вып. 10. М., 2005.

редки обращения к объектам природы, вроде «отец-бабушка». Однако у народов Кавказа существует «отец дня», который создает дневной, т.е. хозяйственный ландшафт.

Итак, механизмы культуры как ограничительной (организующей) рамки жизни, выступают в аксиоматичной форме, не требующей логических доказательств. И локально-ландшафтные рамки сродни этическим рамкам — «по правде», «по совести», «не положено», что также по-своему формирует не только отношения внутри общества, но и между ним и природой. Природа тоже изначально наделяется в культуре свойством видения: выражения «озера — глаза», «глаза земли» можно найти в лексике самых разных культур. Так человек, будучи «наблюдаем» природой, начинает нормировать свои поступки, в итоге оказываясь локализованным. Нормированное отношение с природой лежит в основе социоприродного ландшафта. Культурный ландшафт как текст порождается на пути восходящей в абстракцию мысли и ее нисхождения в ландшафтную локализации, как «рекурсивную петлю мысли» (Я.В. Чеснов).

Аксиомы, будучи общепринятыми, выступают в роли мотиваций, т.е. в то же время коллективно-субъективны. Аксиомы-монады как составляющие текста культуры, не сменяют друг друга, а сосуществуют в виртуальном сотворенном мире, борются, взаимодействуют и — «выпадают в константность», становясь материальными, организационными, ценностными и прочими артефактами культуры. «Выход из столкновения аксиом был найден в институтах арбитража, прежде всего в праве. Загадочная для юристов проблема происхождения естественного права лежит в способе виртуального мышления, где важную роль играют локализации мысли, включая и ландшафтную»¹². Концепция культуры как суммы и системы локальных текстов призвана сыграть аналогичную арбитражную роль в продолжающемся не решаемом столкновении традиционных дихотомий (к примеру, Запада и Востока).

«Понимание структуры текста при таком подходе: “...структура текста — это локализованный в определенных

¹² Там же.

участках среды процесс, способный перемещаться в среде, перестраиваться в ней»¹³. Используя и переформулируя принципы лингвосинергетики, К.И. Белоусов в монографии «Текст: пространство, время, темпоритм» представляет текст в качестве «способа превращения деятельности как процесса в продукт, в котором она объективируется, переходит ... из формы движения в форму покоя»¹⁴. То есть объективации деятельности многомерного языка культуры как «текстуального производства».

Локальность/глокальность (локальность в глобальном мире) в определенной степени является синонимом ментальных пространств, которые являются определенными областями человеческого интеллекта, посредством которых структурируем разрозненные, но сопряженные элементы, роли, стратегии и отношения. «Они сходны с событиями ситуационной семантики своей фрагментарностью, так как не требуют обязательной репрезентации всего того, что существует в окружающем мире. Ментальные пространства могут заменять возможные существующие миры и ситуации, так как, взятые из конкретных линейных текстов, они отражают человеческое понимание гипотетических и вымышленных ситуаций... Подобные пространства, по мнению Дж. Динсмора, отражают человеческую способность создавать модель мира, наследующую информацию и действительного мира или другой модели мира»¹⁵.

Ощущаемый современностью кризис модели вечности связан прежде всего с переходом от жестко организованной структуры трансцендентальной области, элементы которой вступают в конфликт с собственным новым содержанием, к более динамичному и сложному образованию.

¹³ Белоусов К.И. Текст: пространство, время, темпоритм. Новосибирск, 2005. С. 68.

¹⁴ Там же. С. 47.

¹⁵ Манерно Л.А. Основы концептуального интегрирования ментальных пространств // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 22.